

**БРАТ
GRIMM**

ЮЛИОС КЕЛЕРАС

НА ОСВЕЩЕННОМ СНЕГУ

**БРАТ
GRIMM**

Юлюс Келерас

На освещенном снегу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27052037

*На освещенном снегу:
ISBN 978-5-91627-203-1*

Аннотация

В книгу Юлюса Келераса, одного из наиболее тонких и глубоких современных литовских поэтов, вошли стихи, написанные с 1988 по 2016 год. Тексты, на первый взгляд представляющие, согласно формулировке поэта и критика Ромаса Даугирдаса, исполненными «лиризма, меланхолии и элегантности» и построенными по принципу «музыкальной импровизации», при дальнейшем чтении раскрывают хрупкий ритм ландшафта в сердцевине личной истории. Литургически обретаемое детство оказывается истоком того тактильного творения мира, где любовь – дыхание и речь вещей: раненых, сиротствующих, становящихся картой боли и омываемых светом.

Содержание

I		6
	«Меня на этом свете нету, я – не здесь...»	6
	Farewell	7
	«эта осень намного длиннее любви...»	8
	«Ребенок наблюдает за тенью своей...»	9
	«любая вещь способна тайной стать...»	10
	«шрифт снежинок уборист, но я все равно...»	11
	«там, где губы твои прикасались, море осталось...»	12
	«и столько света в имени твоём...»	13
II		14
	твой гномик	14
	речь на твой день рождения	16
	моя сильфида	18
	6:05, проснувшись	19
	дрозд	21
	где есть ты	23
	на другую ветку	24
	единственная гейша	25
	уехать	27
III		29
	тебе, которая	29
	Венера II	30

о твоей душе	32
где-то мечтающий сад	34
памяти мотылька	35
расскажи мне	36
«Мне нравилась та фотография...»	38
«снег, бездомный, павший...»	39
море, здесь	40
ты есть	41
IV	43
девушки с вишнями губ	43
Петербург летом 1824 года	45
художник у переулка Стиклю	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Юлюс Келерас

На освещенном снегу

ЮЛЮС КЕЛЕРАС – поэт, переводчик, драматург, фотограф. Родился в 1961 году в Вильнюсе. Окончил филологический факультет Вильнюсского университета, в 1989–1992 годах учился в Иллинойском университете в Чикаго. В 1995–2002 годах жил в Нью-Йорке, работал главным редактором литовской газеты *Darbininkas*. Сотрудничал с различными издательствами, вел авторскую передачу на Литовском национальном радио, преподавал в Вильнюсском университете, в Иллинойском университете в Чикаго. В настоящее время работает переводчиком, живет в Вильнюсе. Стихи и пьесы переведены на многие языки. Поэтические сборники: «Зимние лодки» (1988), «Белый каледайтис» (1990), «Горсть меда» (1995), «XL стихотворений» (1998), «Снег, бездомный, павший» (2007), «Разбуди» (2008), «Это ты» (2010), «О любви вдвоем» (2012), «Позже, значительно позже» (2013), «Шиповник в дюнах» (2015). В 2013 году награжден премией мэра Вильнюса за фотоальбом «Тротуары Вильнюса» и стихотворения о Вильнюсе.

I

«**Меня на этом свете нету, я – не здесь...»**

Меня на этом свете нету, я – не здесь,
вьюнок переползает тын к исходу лета,
и вот уже другие небеса над кладбищем
и облаков гряда. Меня здесь нет. Не будет

никогда. Предмет не в силах созидать миры,
плотва в затоне раненая бьется, постепенно
вода краснеет. Зачем болезнь ребенка кровь
сосет. А дальше только шепотом умею.

Сказал же, нет меня. В вечерних сумерках грачи
над крышей. Нашептанный ноктюрн
запутает в пути. У сердца твоего
серп месяца опять опасно пролетает.

> *перевел Виталий Асовский* <

Farewell

я не зажигаю в комнате свет, но вижу, как чайка
на реке повторяет твой почерк, как капля касается
белого,

еще неисписанного листа, и как странно, что ноябрь
такой чуть живой, как ты после бессонной и нежной
ночи, которая не дала сковать море льдом

сквозь снег и тяжелую корку льда просачивается пейзаж,
ведь всё временно, что высоко и прямо, что таится
в почке, как вечная и не лгущая цветочная пыльца,
как вещи в комнате, не смевшие оглянуться, когда
для любящих
уже нету других, словно скрытое, как под псевдонимом,
детство

> *перевел Виталий Асовский* <

«Эта осень намного длиннее любви...»

эта осень намного длиннее любви,
нам знакомой по пасмурным
пологам ветра, молчаливым смущенным
словам, провожающим лето, утомленно
лежащее на бесцветном песке
опустевшего пляжа, позабытого всеми,
кроме сторожа – загорелого паренька
с сигаретой, растянувшегося у лодки,
принявшей ветер

> *перевел Виталий Асовский* <

«Ребенок наблюдает за тенью своей...»

Ребенок наблюдает за тенью своей
на старом чердаке, где хранятся старые,
покрытые пылью журналы, пустые склянки,
аккуратно оборванные календари
прошедших годов. Смотрит ребенок, ничего
не произносит, пока неожиданно не засыпает
на громоздкой бабушкиной кровати,
на которой зачата была его мама.

> *перевел Виталий Асовский* <

«любая вещь способна тайной стать...»

любая вещь способна тайной стать:
мы тихо спим на лопнувших матрасах
и радовать нас могут только те,
в которых хоть на миг проклюнется душа, —
их лица отделяются от стел,
опускаются
подо льдом плоти,
а источник жара их понемногу
оживляет

> *перевел Виталий Асовский* <

«шриффт снежинок уборист, но я все равно...»

шриффт снежинок уборист, но я все равно
узнать тебя не могу,
потому что остынувший ветер сжимает
листья растений
и бронейю покрытое сердце не помнит
пыла, лишь блекнет

> *перевел Виталий Асовский* <

«там, где губы твои прикасались, море осталось...»

там, где губы твои прикасались, море осталось,
точнее – соль, осевшая на песок:
какой мотив банальный и бессмертный, но всё равно
мы не откажемся, пока мы существуем...
те ласточки печальные! и буквы яхт,
разбросанных по глади океана! о, чистый свет!
ленивые садовые улитки – как мы с тобой —
не знают ничего...

> перевел Виталий Асовский <

«И СТОЛЬКО СВЕТА В ИМЕНИ ТВОЕМ...»

Д.

и столько света в имени твоём
монах уснет главу посыпав пеплом
а я слова всё те же повторяю
как много света в имени твоём

и так оно светло светло светло
как озера никем не читанный дневник
но я увидел, как утиный клюв
царапнул воду, как оно светло

так много света в имени светло
как свадебный убор как ландышевый цвет
как все слова, что снова повторяю, —
так в имени твоём и теплота и свет

> перевел Виталий Асовский <

II

ТВОЙ ГНОМИК

я твой гномик, вырезанный из других,
лучших сказок, найденных в старом шкафу
(за кухней первая комната, вторая
тумбочка, где хранились книги)

я твое вишневое варенье, засахарившееся,
несъедобное даже для отощавшего
бездомного ворона, некогда сидевшего
в Укмерге на православном кресте

я твой кипятыльник, кухонька воспоминаний,
замутненное изображение на сетчатке, голос,
не вернувшийся после войны, ключ, в те времена
отпиривший кочующий куршский песок

я кровь на твоей салфетке, оборванная
киноплёнка, не наступившая весна,
раскладные кровати, найденные на этаже,
десятилетия назад сложенные в углу

можешь удивляться —

я твой парус, твой Ангел-хранитель,
наблюдающий движение твоих снов,
капля твоего пота во время проигранных гонок

я...

/ кем ты хочешь, чтобы я был?

если б спросила —

туманом над почерневшей баржей в Куршском заливе

промытым цветным стеклышком,

черепком, опознанным деревом

или саваном сумерек

для твоего, лишь твоего, Снегурочка, тела

> перевела Таисия Орал <

речь на твой день рождения

эту речь я сложу из твоих ресниц,
из твоих вещей, которые остаются, и тех, которые
уже отделились, из первого снега в разжатой
перчатке, из чуда небутафорской крови

эту речь я стану произносить, пока не забуду язык,
пока не забуду, как берут кровь из пальца,
как смотрят со стороны на чужие похороны,
не думая о вечной непотопляемой жизни

эту речь каждый раз я буду придумывать заново, каждое
утро
к ней, неотправленной, буду лепить всё новые,
всё разные почтовые марки – с нагой, чужеродной,
улыбчивой ренессансной ангелицей, или другие:
с парой фигуристов или, скажем, королевой Канады

правда, ты не услышишь той речи: я никогда
ее не закончу; когда начинаю ее, замечаю внезапно
с ужасом, что она медленно тает – словно где-то,
по ту сторону ощутимого, лодка всплывает в туман

я еще не скоро тебе признаюсь: нет никакой
речи, никакой другой грамматики,
только та, которую, ненадолго зажмурившись, вдруг

узнаем – наизусть декламируя твой день рождения

> перевела Таисия Орал <

моя сильфида

ты – единственное число, неповторимые буквы,
вещи, уложенные вопреки алфавиту, замкнутый
круг, в который впустили голубя, воркующего,
клюющего твои крылья, сильфида, клюющего рот

клюющего всё что нельзя, клюющего
снова и снова корни круга, линии круга,
дыхание круга, внутренности и крылья,
меня, который в том круге, твои груди, сильфида

ныряющая в единственное, в сладкую одиночную
ссылку, где нет черноты кипарисов, нет
синевы, скрещенных, когда-то живых еще,
губ, когда-то шептавших любовь, сильфида

поняла, кто давно ожидает на перекрестке?
развязка, порог, теплые нежные руки,
голубь живой, который уже влетел
в твой рот, сильфида

> перевела Таисия Орал <

6:05, проснувшись

еженощно ныряю в ночь вслед за тысячей мыслей,
каждая из которых есть ты, засыпающая, спящая без
сновидений, наблюдавшая сны, где я появляюсь не так
одетый, не те выдающий слова, с посторонним лицом

не тот, кто способен нырять без снаряжения в цветущую
пропасть, где отражается, кем-то оставленный, очень
давно,

непогашенный свет из чужих коридоров, оттуда, где нас
уже нет,

где стонем не мы, а жертвы другой войны, из иной
действительности

да, всё так – о снеге, всё так же – и о войне, которая не
прекращается,

затягивается, скрывается, непоправимо трепещет в
глазах у детей,

непоправимо отзывается эхом, когда закрыты все
посторонние двери,

за которыми остаются лишь тысячи лет больных и
страдающих

куда мне пойти, чтобы свет оставался, чтобы дверь
оставалась

только одна, где я наконец был бы тем, кого ты

представляла

однажды в бессонную ночь, для того чтобы я нырял и
нырял,
и нырял

> перевела Таисия Орал <

ДРОЗД

именно так произнести «люблю»
значит биться головой о стену, о камень,
раствориться в легкой победе, увидеть
себя из близкого небытия

именно так молвить «люблю»
значит, что яблоко еще не поделено
и нам еще дано касаться друг друга
кончиками пальцев

именно так (когда касаюсь твоих волос)
я учусь плыть по снегу,
через неизвестную, совершенно голую Антарктиду,
где я никогда не был и где никогда не родился

именно так произнести «люблю»
значит подойти к тебе, привставшей на цыпочки,
зажмурившей глаза,
и вымолвить имя твое

именно так произнести «люблю»
значит себя ощутить фрагментом
на холсте Босха
где тело еще не угадывается

именно так произнести «люблю»
значит расцвести на самой вершине яблони
куда только что слетел увидевший пожарище
дрозд

> *перевела Egeja d'Aiva* <

где есть ты

полный дом чужих вещей —
кому их отдать? кому
доверить прошлые луны
на вмятых подушках?

кому возвратить пульсацию
в кончиках пальцев весной,
когда на обочинах котики пробивались
и были чуть мягче твоих волос?

где оставить лыжные палки,
наконец достигшие цели?
еще раз спрашиваю – и понимаю,
что живу там, где есть ты

> перевела Таусия Орал <

на другую ветку

в странствии из комнаты А в комнату Б
ни один светофор не работает, все знаки,
говорящие о приближении снега,
напоминают цветущие вишни, это они и есть

в странствии из города А в город Б – тебе
не обязательно ворочаться, бормоча:
«как страшно: приснилось, что я паровоз,
который двенадцать лет не может остановиться»

в странствии по сухому листу, некогда ставшему
закладкой в памяти, под вздохи настольной лампы,
открытой в ожидании двери, ощущаешь себя лучом,
живущим здесь тысячи лет, еще до Христа

в странствии по твоей руке – вдруг забываешь
все карты, все расписания путешествий,
пытаясь перевести поезд на другую,
быть может – более счастливую, ветку

> перевела Таисия Орал <

единственная гейша

будь у меня единственная моя гейша,
я мог бы тогда ей читать до рассвета свои
вишли, а после задремывать у нее на груди,
уже без фамилии, и без имени тоже

я мог бы чаевничать из ее стакана, предаваться
формам ее миниатюрных ступней, косточкам
кистей ее рук, ее кимоношным узорам,
поцелуйным трехстишиям, сыплющимся из ее уст

и кто я теперь без этой неведомой гейши,
которой и дела нет, что в зеркале у меня
всё еще лучезарит ее спина, фудзиямы
ее ягодиц, безусловно павшие руки

и кто ты теперь без меня, единственная моя
гейша, в невидимых нетях, не предающая
рук моих, обвинивших шею твою, изгладивших
губы твои, измявших твои полусонные груди

которые так и не признаются, что любят,
а только мечтательно воркуют на мягком чужом
диалекте, какого не знаю, но знают губы мои —
и язык, вот он снова твоему соску что-то шепчет

> перевел Георгий Ефремов <

уехать

уехать туда, где тебя нет,
где тебя никогда еще не было,
где буквы тебя не помнят, ничто —
даже конверт не отосланного письма

уехать туда, оставив свои документы,
оставив тени вещей, что мешают
жить, оставив тебе одни воскресения:
они всё равно не ведали, что творят

уехать подальше, где в темноте пансион
няни укачивают детей и язык чужих
колыбельных постоянно пронзает сухие
сплошные стены

уехать туда, где бы дни недели
не умещались в словарь, только в твою
маленькую шкатулку, куда
мы сложили твое и мое сердце

уехать туда, где полночи не умещаются
в календарях, где луна в подростковых
заметках движется как человек из синих чернил
без одежды, бегущий неясно куда, неизвестно зачем

> перевела Таисия Орал <

III

тебе, которая

1

если бы ты закрыла глаза и пошла, вытянув руки вперед,
против течения, – камни на дне Вильняле, даже зимой,
были бы круглыми, как теплые шарики из резины

2

бог его знает, о чем тосковала бы, если б застывшие
лепестки сияли в снежной волне, заметающей фонари
по колено, под эхо собачьего лая из загробного мира

> перевела Таусия Орал <

Венера II

скажи, какой ключ подошел бы твоей нестареющей
скважине, твоим ресницам, чутким кончикам твоих
пальцев, которые не загубели ни в дожде, ни в аду, ни
в наглухо
запертых комнатах, где никогда от любви не бросались с
моста

скажи, каков твой камень, какова твоя вера,
когда груди, касаясь реки, отражаясь в течении
будто зори, бесплодно мечутся, а четыре головы ветра
без усилия позволяют забыть удовольствия юного сада

скажи, кто будет следующим, кого ты соблазнишь, кого
сведешь
с пути, с ума, нагадаешь дождь или засуху, обвенчаешь
со всё прибывающим, необратимым морем, с жаждой
в крови, с шеей, зацелованной опухшими, искусанными
губами

скажи, разбиваясь о поцелуй, о риф, ибо он будет
последним,
повторяющимся: красный, пробитый, текущий,
бормочущий
всё те же слова бесконечности, всё тех же увечных улиток

через тернии, ледники, загрязненные воды – ползущих

> перевела Таисия Орал <

О ТВОЕЙ ДУШЕ

иногда мне кажется, что твоя душа осталась в тумане,
что она бродит в поисках выхода, мокнет в траве
до колена, иногда нарочно ушибаясь о камни

иногда отчаянно бросается бежать, услышав
колокольчик коровы, а иногда замолкает – и никому,
даже облаку, из нее не вытянуть слов

слышу, как ее преследует собственное имя,
звук своих же шагов, перебирающий молодую
пенистую траву, доводящий до обморока

иногда мне кажется, что она не движется, а стоит
как вкопанная, а туман – ее парус, рассекающий
полные страстей темные лесные массивы

твоя душа так чиста, что полупрозрачна в сумерках:
случается, синее лезвие утра ее не находит,
да так и пропадает за горизонтом

– кто рисовал эти природные виды? – спрашивает она.
– кто владеет реками, увлажняющими наш берег?
– есть ли что-то, кроме меня, чего ты не видишь?

иногда она начинает преследовать молодую косулю,

а иногда притворяется юной, только что давшей обет
// монахиней, задолго до встречи с Господом

случается, твоя душа начинает суетиться и лгать,
неудачно хитрить или предлагать за бесценок
проходим яблоки твоих грудок с веснушками,

нередко она стоит на углу с местными,
высунув язык и показывая неприличные жесты
даже облакам

я не знаю, но, наверное, бывают мгновения,
когда, задумавшись, не замечаю, как твоя душа
становится телом

> перевела Таисия Орал <

где-то мечтающий сад

сад бы точно зажмурился, лишь бы тебя
увидеть, лишь бы увидеть, как ты
куришь, прижавшись к стеклу,
почти не дыша зависаешь в воздухе,
как будто вернулась из путешествия
счастливая летучая мышь

ничто не терзает, сердце бьется спокойно
как влажная бабочка, прилипшая
к упавшему яблоку, как яблоко,
прилипшее тотчас к траве и что-то ей
шепчущее о любви без голоса,
и вполне вероятно, что без ответа

> перевела Таисия Орал <

ПАМЯТИ МОТЫЛЬКА

уже неотторжимый, выдохнутый мотылек поцелуя
навсегда остается белым, словно
ослепительно чистая простынь, повешенная
для просушки на экранах воспоминаний

давайте признаем, он был бродом между губами,
белой холстиной, охраняющей мгновения уст,
свидетелем помолвок дождя и парка,
шелком подарочного шнура на каждом твоём конверте

он рассказывал больше, чем водовороты Вильняле,
он был с теми, кто не обещает неволю,
он был словом, единственным возможным словом,
нигде не отчеканенной тайной монетой

и вот его нет, как нет миновавшего лета,
но как разобрать, кто январской ночью трепещет —
точно высохшая на дворе простынь или пятно,
то, что осталось между сжатыми пальцами

> перевел *Виталий Асовский* <

расскажи мне

на языке тела расскажи мне о ребенке
родившемся вчера в приюте

на языке рта расскажи мне о груди,
осветившей умирающим ночь

на языке пальцев расскажи мне о тех,
кто никогда не произносит ни слова

на языке коричневой родинки расскажи мне о маках,
посеянных в дюнах твоей спины

на языке ягодиц своих расскажи мне
о литовских курганах, если успеешь – о Фудзияме

на языке пупка расскажи о влажности поцелуя
там дождавшегося самого краткого летнего утра

на языке пота своего расскажи мне
о высохшем саде, что не поддался девяти дровосекам

на языке грудей расскажи мне о письме
в твоём белоснежном почтовом ящике

на языке чрева расскажи мне о паруснике,

не достигшем чужого берега

на языке колен расскажи о любви
// неподвластной совершенству смерти

на языке поясницы расскажи о судьбе
воробья, на рассвете влетевшего к нам

на языке сосков расскажи о траве,
одолевшей в два взмаха косу

расскажи мне обо всем,
о чем сейчас слишком поздно

> *перевел Виталий Асовский* <

«Мне нравилась та фотография...»

Мне нравилась та фотография:
стакан молока, рассеянные вишни, лифчик.
Природа так соединилась с вещью,
державшей тело; так неопытная танцовщица терпит каплю
пота,
еще не знающую про предел паденья,
так бабочка летит, хотя, скорее, лишь цвет ее,
срывающийся в вырез.

Так, кстати, грани купола,
сливаясь, мчатся в бездну,
к недостижимым холмам, и утомленный путник
зимует в камне нескольких неумолимых
столетий. Поэтому и говорю:
мне нравятся твои ресницы,
тоскующие по движению.

> перевела Таисия Орал <

«снег, бездомный, павший...»

снег, бездомный, павший
слезными комьями, стекший
перламутром ресниц
и другой – снег водочных судорог
жгучий, пыточный, подноготный снег
снег дотлевающих пепелищ и птиц, леденеющих на лету

опустившийся, морщинами немощи подернутый снег
катакомбный снег радости наголо бритых сирот
ангелов, дремлющих в барочных приютах
коммунальных заплеванных окон, свежий снег
вековых треугольных проулков

как заплести твои волосы, чтобы всё уберечь от распада

> *перевел Георгий Ефремов* <

море, здесь

я бы хотел быть твоим морем, что означало бы
пропуск в долину обид и другие
незапланированные аттракционы, что означало бы
сон, видеть который не стоит
(если, конечно, это может зависеть от нас)

я видеть хотел бы, как ты поливаешь цветы на балконе,
в одной рубашке, словно на первом причастии,
и здесь никогда, ниоткуда уже не была бы видна
маленькая девочка с аккуратной прической,
в те времена побиравшаяся на пировавшей Немецкой

> *перевел Виталий Асовский* <

ТЫ ЕСТЬ

иногда ты полна зимы, и никто не может
поймать ни клубящиеся снежинки, ни где-то под снегом
спящих улиток, которым никогда не достичь
твоих ног, отдыхающих в запертой комнате

иногда ты полна летних бабочек:
они тоже снежинки, теплые, подвижные,
зависающие на ветру будто снежная паутина,
ты – тихий, приглушенный голос в их ледяных коридорах

иногда ты восстаешь со старыми вещами,
еще дремлющими в прихожей, вспоминаешь их,
и они против воли на мгновение оживают —
как ненадолго заведенный ребенком волчок

иногда пытаешься вспомнить мое имя, свое
лицо у моих губ, там, в другом времени,
в другом зеркале, где не бывало черного снега,
где бабочки могли счастливо жить из лета в лето

ты есть то, что не повторяется и не увядает,
но живет на свету, зреет в сумерках —
высоко, на верхушке, – как никем не замеченный плод,
и накануне зимы бесстрашно спускается в травы

> перевела Таисия Орал <

IV

девушки с вишнями губ

Девушки с вишнями губ танцуют Начало. Неосторожно огонь менуэта поджигает тела, и зрители невольно отступают на шаг, боясь превратиться в пепел. Формы сменяются моментально: сдерживая трепетание, они превращаются в символ весны, несущий мир, и история утрачивает свою большую печать.

Девушки с вишнями губ, хрупкие как ивы, теряют набедренные повязки, и зрители видят солнце, скользящее по их коленям. Божественные тела, благоухающие севером, не подходящие ни для одного анатомического атласа, ни для какой ниши, где обычно скучают гипсовые вены, тоскующие по прозвищам и

табаку. Девушки с темнеющими подглазьями танцуют жизнь: бокалы, наполненные минувшим, старые натюрморты, запах исхоженных в детстве болот. Ангелов, постаревшие вишенники, сумерки. И вот они кланяются публике.

Однако

точная копия лунного света умудряется так ловко
обмануть

наше зрение, что мы не в силах уловить перемену.

Холод упраздняет все игры, запрещая

музыку, телесное сияние, позволяя свет и красоту
потреблять в минимальных количествах, сколько того
требует

закон. И история, распутница с выщипанными
бровями, воображает, что победила природу:
губы не пахнут вишней

> *перевел Виталий Асовский* <

Петербург летом 1824 года

церковные колокола вызванивают полдень,
хотя небогатые жители предместий
ловят рыбу в невских каналах и им всё еще
снятся раздувшиеся утопленники: собаки
и люди после наводнения прошлой зимой

Мицкевич видит кричащих лавочников,
на полупустых улицах торгующих сыром
и колбасой, слышит кареты и брички, летящие
по сугробам, девушек на Екатерининском проспекте —
во флигелях, треплющихся крашеными языками

он только что прибыл: в Вильнюсе, на Антуколе,
еще со скрипом вращаются выдавшие его флюгера,
а листья, упавшие, когда промчалась его карета,
еще лежат, не истоптанные, на дорожках парка,
как невысохшие слезы

Петербург: на одной улице обессилевший парусник,
переломанные мачты, пробитая палуба, бочки,
выпустившие красное, словно вареные раки,
которых тут давно уже нет, старое бургундское
вино

Петербург – наказанный за несправедливо

сосланных, заточенных, униженных...

Господи, сколько сил отняло чувство
неправедной вины! Сколько раз, читая
Библию, он чувствовал, как легкие наливаются
лунным светом

> *перевел Виталий Асовский* <

художник у переулка Стиклю

Не разглядеть следы, ведущие в лист, который оставил художник, забывший закончить арку еще одного переулка. Однако движение, которое помним, не может вводить в заблуждение:

это город, пахнувший еловыми ветками, пылью и молоком.

Я никого здесь не знаю, но кто-то стучит по

пианино, и кирпичи на долю секунды задерживают дыхание,

не рассыпаясь. Воскресное лето открыто для всех, и Улисс

может без страха вернуться, но следует знать: за столько столетий кое-что изменилось – его здесь ничто не ждет.

Ни

проемы проулков, по которым вливается синее утро,

ни ступени, что скрипят под солнцем, ни потерянные часы. Ничто. Разве лишь тот рисунок, который никем и никогда не будет закончен, ведь художник ушел и уже не вернется. Рисунок испорчен. Но линии целы, всё можно

узнать: еловые ветки ограничивают кругозор, арки вздыхают,

так что, Улисс, можешь без страха вернуться. В худшем случае

я тебе тайну открою: художник спит в одном из пивных заведений, профукав все то, чем обладал. К рассвету он должен

вернуться: повороты и лестницы, икота и стены. Но этот город, который тебе был доверен, – всё тот же.

Так что, вернувшись, найдешь ветшающие часовни, слепые круги,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.